

— Ослаблено, неудобно, — без церемоний заявил Цинь Цзюэ. Этот человек был доволен зарплатой помощника и даже через двадцать лет не ушёл на пенсию, став уже старым знакомым.

Юань Лунь, помощник, на мгновение задумался, затем слегка подтянул бинт.

— Теперь удобно, — Цинь Цзюэ почувствовал себя комфортно.

После этого Юань Лунь продемонстрировал Ван Юэюэ, что значит высший уровень работы помощника.

Юань Лунь действовал безупречно, и Ван Юэюэ смотрела на это с изумлением.

Почему разница между людьми может быть такой огромной?

Цинь Цзюэ тоже давно не получал такого высококачественного обслуживания. Ему так хотелось сразу разбогатеть и вернуть свою прежнюю команду!

Юань Лунь, завершив все дела, вернулся в съёмочную группу, а Ван Юэюэ, похоже, была немного расстроена.

— Братан Цинь, я, наверное, плохо справляюсь...

Цинь Цзюэ погладил подбородок:

— Действительно.

Потрясённая Ван Юэюэ чуть не потеряла цвет лица.

— Но это не важно. Если бы мне пришлось выбирать, я бы всё равно выбрал тебя в качестве помощника.

Ван Юэюэ почувствовала себя согретой этими словами, с жалобным и трогательным взглядом:

— Братан Цинь!

— Сколько ты получаешь, а сколько он? Если я найму его на год, то за такие сценарии, как раньше, мне придётся снять двадцать фильмов, и все деньги уйдут в его карман!

Ван Юэюэ: [...]

Верни мне мои чувства!!!

Цинь Цзюэ рассмеялся:

— Я тебя не отвергаю, ты гораздо милее его.

— Правда, правда? — Ван Юэюэ осторожно спросила, не решаясь поверить, ведь нельзя снова доверять сердце такому негодяю.

— Правда.

— Тогда, когда ты станешь знаменитым и сможешь себе позволить помощника вроде старшего брата Юаня, меня уволят...

— О чём ты говоришь? — Цинь Цзюэ похлопал её по голове. — Тогда ты станешь нашим талисманом в команде.

Они тебя точно полюбят.

Когда-то Цинь Цзюэ слишком долго был в тени, и зарплата Ван Юэюэ не повышалась пять или шесть лет. В конце концов, она не выдержала давления семьи и ушла из шоу-бизнеса.

Но сейчас...

Бесплатно держать такого милого талисмана — Цинь Цзюэ был не против.

Ведь в наше время редко встретишь человека, который искренне к тебе относится.

— Талисман... — Ван Юэюэ снова погрузилась в отчаяние, обхватив голову и изображая, что зовёт на помощь. — Как это могло случиться!

Устала.

Просто как сон, проснулась давно, но всё ещё боюсь пошевелиться.

— Хм! Я пойду учиться массажу!

— Удачи.

Однако, потратив весь день на изучение техник массажа, Ван Юэюэ не смогла применить их на практике.

Пэй Ваншэн, сославшись на недомогание, закончил съёмки раньше и ушёл. Такой гениальный актёр, как он, был уверен в себе.

Когда он вернулся в отель, Цинь Цзюэ только что поужинал.

— Почему ты дал ему это?

Ван Юэюэ чуть не заплакала:

— Учитель Пэй, поговорите с братаном Цинем! Он сказал, что если я не куплю это, то он вычтет из моей зарплаты!

Цинь Цзюэ, с полотенцем на левой руке, с аппетитом ел правой, подшучивая над ней:

— Что плохого в том, чтобы вычесть немного из твоей зарплаты? Ты же шпионка учителя Пэя, пусть он тебе платит.

И тогда Пэй, который платил зарплату, конфисковал у Цинь Цзюэ жареную утку с коньяку.

Чёрт!

— Это вредно для заживления раны. Юань Лунь одолжил кухню, чтобы сварить суп.

О, этот дорогой мужчина был чертовски идеален.

Пэй, вопреки своему холодному имиджу, налил Цинь Цзюэ суп, затем снял кожу и мясо с тушёной свинной ножки, пока соевые бобы почти не превратились в пюре.

Ван Юэюэ: [Слюнки текут.]

Беспольный помощник был уведён супердорогим и идеальным помощником.

Без этого живчика и осветителя стройки в комнате снова стало тихо.

— Учитель Пэй, ты не будешь есть?

— Я уже поел.

— Врёшь. — Цинь Цзюэ не поверил ему. — Ты только что закончил съёмки и сразу пришёл, даже лак для волос не смыл.

У Пэй Ваншэна была лёгкая брезгливость и привычки пожилого человека: он всегда сначала мылся, а потом ел, так как считал, что после еды нельзя сразу принимать душ.

Цинь Цзюэ поднял кусочек мягкой свиной кожи, обмакнул в соевый соус и протянул на своих палочках.

Глаза Пэя, когда он взял еду, слегка поднялись, и взгляд упал прямо в глаза Цинь Цзюэ.

Как в первой любви, сердце заколотилось.

После ужина Пэй Ваншэн быстро привёл стол в порядок и достал из кармана маленький флакон с лекарственным маслом.

Мать Пэй Ваншэна происходила из семьи актёров пекинской оперы, где часто случались ушибы и травмы. В детстве он часто помогал растирать синяки, поэтому Пэй Ваншэн научился делать массаж.

Полотенце на руке меняли дважды, и когда его сняли, вся тыльная сторона руки была сильно опухшей, с большим синяком, что выглядело довольно устрашающе.

Пэй Ваншэн нахмурился.

— У тебя плохая конституция. — Он налил масло на свою ладонь. — Будет немного больно, потерпи, завтра опухоль спадёт.

— Хорошо.

Оказалось, что боль в таких местах, как тыльная сторона руки, где мало жира, в несколько раз сильнее, чем в мясистых частях.

Цинь Цзюэ сначала стиснул зубы, но в конце концов начал пытаться вырвать руку.

Но как он мог вырваться у Пэй Ваншэна.

— Не дёргайся... — Пэй Ваншэн, весь в масле, чувствовал, как бодрящий мятный аромат бьёт в голову.

— Ой, это не обычная боль, может...

— Нет, лучше короткая боль, чем долгая.

— Ай.

Пэй Ваншэн: [...]

— Кхм. — Цинь Цзюэ, не имея возможности почесать голову, сказал:

— Я действительно не могу терпеть, может, ты повернёшься спиной.

Пэй Ваншэн, недоумевая, повернулся спиной к Цинь Цзюэ с руками, покрытыми маслом.

Он ведь не сбежит, верно?

Одна рука обхватила его сбоку, Цинь Цзюэ прижался к его спине, другой рукой ухватился за плечо Пэй Ваншэна, с решимостью, пропитанной страхом.

— Может, ты зажмёшь мою руку локтем.

Эта поза была немного смешной.

Цинь Цзюэ стоял на коленях позади него, прижавшись всем телом. Он был теплым, немного худощавым, и, хотя он не дрожал, Пэй Ваншэну казалось, что он дрожит.

Очень мило.

Пэй Ваншэн сделал, как он сказал, зажал руку Цинь Цзюэ локтем и начал уверенно растирать синяк.

Цинь Цзюэ стонал от боли, понимая, что Пэй Ваншэн был супер-бесчувственным человеком! Он даже не утешил его! Не подул на руку! Даже Ван Юэюэ была лучше!

Он бормотал и ругался, пока не устал, и, сгорбившись, прижался к плечу Пэй Ваншэна, жалостливо потираясь о его спину.

— Подуй, больно же.

Прямая спина Пэй Ваншэна вдруг напряглась.

Он держал руку, осторожно наклонился и подул, продолжая растирать синяк.

После массажа рука, опухшая, как у Смурфика, наконец стала выглядеть нормально. Пэй Ваншэн, боясь, что Цинь Цзюэ будет беспокойным, завернул руку в горячее полотенце и обернул пищевой плёнкой.

— Сними после душа.

— О... — Цинь Цзюэ пошёл в душ с поникшим видом.

Сегодня он почти ничего не делал, поэтому после душа вернулся в комнату, чтобы поразмышлять над сценарием.

Он был срочно утверждён на роль, поэтому подготовился лишь поверхностно. Чтобы оживить персонажа, недостаточно просто использовать шаблонные черты.

Лу Чуаньхэ, будучи из знатной семьи, с детства имел барские замашки, но, находясь под

влиянием деда, приобрёл и некоторую хулиганскую натуру. Его отец занимался бизнесом, а он, как старший сын, естественно, должен был унаследовать семейное дело.

В то время Китай страдал от внутренних и внешних проблем, и дед, желая спасти страну, отправил младших сыновей на войну, а старших — учиться бизнесу. Воспользовавшись модой, он отправил самого талантливого Лу Чуаньхэ за границу для учёбы.

Лу Чуаньхэ понимал, что только деньги не смогут изменить ситуацию коренным образом. Только знания смогут изменить судьбу нации.

С одной стороны, он подал заявку на место учителя в женской школе, с другой — управлял семейным имуществом, создавая богатство и жертвуя на благие дела, желая внести свой вклад.

Но зрители не хотели видеть такого персонажа, который лавировал между чёрным и белым, улыбаясь и скрывая свои истинные намерения. В спокойное современное время люди предпочитают видеть властных военачальников, которые решают судьбы одним движением руки. Перестрелки возбуждают больше, чем финансовые войны, зачем думать, когда можно просто наслаждаться?

Цинь Цзюэ вздохнул.

Ему действительно нравился Лу Чуаньхэ.

Лу Чуаньхэ был тигром, который пожирал людей, не оставляя костей. В то время он был на вершине, и кто в Пекине не называл его «господином Лу»?

Но в его сердце был тигр, который осторожно вдыхал аромат роз. Лу Чуаньхэ ставил семью и любимого человека превыше всего.

Когда его самый близкий человек и его возлюбленная полюбили друг друга, Лу Чуаньхэ выбрал отступить и уступить.

Он стал настоящим королём, гордым и одиноким.

[Отсутствуют авторские примечания]

<http://bllate.org/book/16386/1483464>